

ФИНАНСОВОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Мухарремский декрет

На другой день после Берлинского конгресса¹ держатели турецких фондов могли подвести результаты защиты своих интересов на Конгрессе. Они считали, что они получили меньше, чем могли бы получить, благодаря совершенной незаинтересованности в их делах Германии и враждебности России. Постановление, вынесенное Конгрессом об образовании Международной финансовой комиссии, было принято всеми, несмотря на протесты со стороны Турции. Турецкое правительство видело в этом, и совершенно справедливо, значительную угрозу своему самовластному распоряжению народными средствами. Турецкая бюрократия отлично понимала, что подобного рода комиссия будет не в ее интересах.

Кроме того, вопрос о Финансовой комиссии столкнулся с вновь начавшимися спорами между различными группами кредиторов.

У турецкого правительства после Берлинского конгресса и начавшихся после него исключительных затруднений в политической и хозяйственной жизни Турции было только одно стремление, — как бы скорее получить откуда-либо средства для покрытия текущих расходов. В ответ на требование реформ, предписанных Берлинским трактатом, турецкое правительство неоднократно заявляло: прежде, чем затевать реформы, нужно дать нам время привести в порядок наши финансы и в равновесие наш бюджет; только на этой основе полученные сбережения могут быть полезно употреблены для улучшения настоящего положения; пусть нам помогут заключить заем, объединить наш текущий долг; одним словом, необходимо, чтобы Европа снабдила бы нас нужными материальными средствами для выхода из ужасного кризиса, который мы переживаем. Стараясь обойти решения Берлинского конгресса, турецкое правительство в конце 1878 г. поспешило создать большую финансовую комиссию из своих чиновников, с приглашением иностранцев, которой поручалась та же самая задача, что Берлинский конгресс намечал для международной финансовой комиссии. Не желая соглашаться на международную финансовую комиссию, Турция очень охотно шла на переговоры с отдельными представителями, полагая, что, договариваясь порознь с отдельными кредиторами, она выиграет больше.

Одним из наиболее серьезных проектов из числа предложенных кредиторами Турции был проект Токвиля. Идея предложения Токвиля заключалась в унификации выпущенных займов, в понижении номинальной их стоимости, в получении определенных доходов для гарантии регулярных уплат. Соглашаясь восстанавливать в будущем платежи процентов и погашение займов, турецкое правительство требовало от Токвиля предоставления займа в 200 млн франков.

¹ Проходил в июне — июле 1878 г. для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (*прим. ред.*).

Токвиль знал, что русские представители отнесутся к предлагаемому проекту враждебно. Он считал необходимым привлечь в свою комбинацию Россию. Токвиль предложил Лобанову¹ следующие условия: военное вознаграждение Турции уменьшается русским правительством на три четверти, а на остальную четверть Россия получает 4% дохода, совместно с другими должниками Турции. Лобанов сперва не дал Токвилю ни положительного, ни отрицательного ответа. Он донес об этом Горчакову². Горчаков счел необходимым запросить мнение министра финансов адмирала Грейга³. Министерство финансов очень внимательно отнеслось к запросу Министерства иностранных дел и Кредитная канцелярия выработала очень пространный ответ, которым начинается участие Министерства финансов или, вернее, Особенной канцелярии по кредитной части в делах по вопросам турецкой контрибуции.

Кредитная канцелярия считала, что Токвиль желает вовлечь Россию в род консорциума, составленного из различных комитетов держателей турецких кредитов. «Наш финансовый кредит может только потерять от присоединения нас к различным группам, которые предоставляли займы Турции на ростовщических условиях». Грейг полагал, что военное вознаграждение, как политическое средство, наиболее страшно Турции. «Согласно протоколам Берлинского конгресса мы имеем право, принимая во внимание залоговые права, уже существовавшие ранее, противиться всякому новому займу, обеспеченному какими-либо новыми залоговыми правами, а также мы имеем право противиться всякому соглашению со старыми кредиторами, в котором на платежи по долгу будет назначен какой-либо новый источник доходов, до настоящего времени не служащий обеспечением старых займов»⁴.

Министерство иностранных дел приняло точку зрения Грейга, и Лобанов привел в ход все пружины, чтобы затормозить проект Токвиля. Когда же появилось предположение, что все же проект будет иметь успех, министерство поручило Лобанову представить Порте⁵ официальное сообщение, что Россия протестует против заключения какого-либо займа, как мероприятия, нарушающего ее интересы.

В начале 1879 г. Лобанов-Ростовский отправил министру иностранных дел Каратеодори-паше следующую ноту: «Константинопольские газеты опубликовали соглашение, которое Высокая Порта предполагает заключить с группой иностранных финансистов для унификации ее старых долгов и для заключения нового долга. Императорское правительство, хотя оно и является кредитором Турции по следуемой ему сумме военного вознаграждения, не приводило бы никаких возражений против предполагаемой сделки, если бы в этом соглашении дело шло только о таких обеспечениях, о которых была речь в одиннадцатом протоколе Берлинского конгресса. Важно припомнить, что в этом протоколе императорское правительство, чтобы не причинить какого-либо ущерба интересам кредиторов Турции, объявило при посредстве своих уполномоченных, что оно будет считаться со всеми прежде возникшими залоговыми правами (ипотеками). Признав, таким образом, право

¹ А. Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896), российский дипломат и государственный деятель, чрезвычайный и полномочный посол в Константинополе в 1878–1879 гг. (*прим. ред.*).

² А. М. Горчаков (1798–1883), российский дипломат и государственный деятель, в 1856–1882 гг. министр иностранных дел (*прим. ред.*).

³ С. А. Грейг (1827–1887), российский военный и государственный деятель, в 1878–1880 гг. министр финансов (*прим. ред.*).

⁴ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. 1, л. 38 (Грейг — Горчакову, январь 1879 г.).

⁵ От фр. *Porte* и итал. *Porta* — дверь, врата. Употреблявшееся в европейских дипломатических документах официальное название правительства (канцелярии великого везира и дивана) Османской империи. Использовались выражения Оттоманская Порта, Высокая Порта, Блистательная Порта (*прим. ред.*).

приоритета за ипотеками, падающими на доходы, закрепленными за старыми долгами Турецкой империи, какового бы ни было их наименование, императорское правительство заняло место по времени в очереди кредиторов турецкого государства. В силу этого же принципа оно имеет неоспоримое право приоритета в отношении всех других доходов Турции, еще не отягощенных какими-либо залогами или обязательствами к моменту подписания Берлинского трактата».

Чтобы обеспечить предполагаемое соглашение с иностранными капиталистами, Блистательная Порта предлагает доходы, которые еще не служили обеспечением уплаты займов и из которых некоторые не существуют в данный момент, как например, Болгарская дань. «Подобные мероприятия в результате приведут к отчуждению большей части доходов, которые могли бы быть в будущем обеспечением и сделают совершенно призрачным то обязательство, которое Блистательная Порта приняла в отношении военного вознаграждения.

Императорское правительство не может дальше не обращать внимания на установление комиссии, которая будет иметь права не только собирать уступленные налоги и доходы, но и собирать и проверять основные доходы государства и в которой, кроме представителей турецкого правительства, будут французские и английские представители».

«Намерения турецкого правительства, которые только что были изложены, такого характера, что они могут совершенно нарушить значительные интересы, которые императорское правительство должно охранять. Конечно, если только Блистательная Порта, при помощи полной и немедленной уплаты всей контрибуции, заставит Россию совершенно не интересоваться этими вопросами. Но так как этого нет, то императорское правительство, узнав о проекте, который был опубликован, предписало мне объявить Блистательной Порте, что оно будет протестовать против установления новых залоговых отношений до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение и не будет точно указано обеспечение для уплаты военного вознаграждения особым соглашением между Императорским правительством и Блистательной Портой. Что же касается установления финансовой комиссии, Императорское правительство полагает, что единственным средством для согласования всех интересов будет учреждение финансовой международной комиссии в такой форме, как это предусмотрено в 13-м протоколе Берлинского конгресса» (Turkey, 1880, N 20, p. 32–33).

На эту, в достаточной степени резкую, ноту Лобанов-Ростовский получил от Каратеодори-паши ответ самого язвительного свойства. Турецкое Министерство иностранных дел, только что подписавшее Константинопольский трактат, отвечало Лобанову, что внимательное чтение протоколов Берлинского конгресса привело его к заключению, что Порта никогда не собиралась размещать своих кредиторов по порядку времени возникновения долговых обязательств. Из этого следовало, что Порта считает претензии русского правительства на право приоритета военной контрибуции перед другими, новыми долгами, мало обоснованными. На конгрессе турецкие уполномоченные заявили, что «вообще, при современном состоянии финансов Оттоманской империи, невозможно определить место для военной контрибуции в ряду государственных долгов Турции». Каратеодори-паша также стремился уверить Лобанова, что «Порта может совершенно свободно распоряжаться своими доходами, так как соглашение с Токвилем выгодно не только Порте, но оно выгодно и всем турецким кредиторам, в том числе и России»; вследствие чего надобность в международной финансовой комиссии отпадает, так как она была задумана для упорядочения отношений между Турцией и ее кредиторами. «В виду того, что Турции удалось придти к соглашению с кредиторами, то отпадает и смысл в такой комиссии» (Turkey, 1880, N 20, p. 33–34).

Однако следует иметь в виду, что слабость проекта Токвиля заключалась еще и в том, что он не сумел примирить различные группы должников между собой. Отдельные группы считали себя обиженными будущими мероприятиями и усиленно агитировали против его проекта.

Провал проекта Токвиля был использован определенными группами для попыток сговориться с Турцией. В особенности усердствовала в этом отношении Парижская Учетная контора (Comptoir D'Escompte) — один из сильнейших банков Парижа начала 80-х годов. Ей удалось добиться официальной поддержки своего проекта министром иностранных дел Франции Ваддингтоном, пытавшегося договориться по этому вопросу с Солсбери. Один из должников Турции особенно не мог долго ждать. Это был Оттоманский банк. Он вложил значительные суммы в краткосрочные займы турецкого казначейства. Он почти целиком покрыл «Оборонный заем 1877 г.». Оттоманский банк имел в своем портфеле большую кипу краткосрочных обязательств Оттоманского правительства. При сравнительно небольшом балансе у него числилось около 5,5 млн франков (50 млн руб. золотом), как авансы, выданные турецкому правительству (Turkey, 1880, N 20, p. 67).

В таком же положении были и галатские банкиры. Объединившись вместе, они поставили ребром требование упорядочения их долговых обязательств. Так как это были обычные банкиры турецкой казны, без поддержки которых она не могла существовать, и окончательный разрыв с ними грозил Турции остаться без покрытия текущих расходов, то Порта решила заключить с ними первое свое долговое соглашение, конвенцию, 22 ноября 1879 г. Соглашение было выгодно Оттоманскому банку и галатским банкирам. Иностранные кредиторы его принять не могли. Английское и французское посольства в Константинополе протестовали против этой конвенции. Кредиторы по текущим займам, с которыми была подписана конвенция 22 ноября 1879 г., получили в свое управление шесть косвенных налогов. Первый же год этого откупного управления показал, что уступленные налоги могут давать больше, чем они давали раньше, будучи в руках казенной администрации, и чем предполагали авторы ноябрьской конвенции (Turkey, 1880, N 20, p. 57–62).

Обиженные кредиторы Турции стали усиленно настаивать на пересмотре конвенции и снова выдвинули идею организации международной финансовой комиссии.

Назначение Международной финансовой комиссии было поддержано всеми капиталистическими странами Европы: Италия, Франция и Англия были готовы назначить своих делегатов в такую комиссию.

Английские кредиторы, для которых особенно соглашение 22 ноября 1879 г. было невыгодно, стали обвинять сэра Генри Лайарда в том, что он не протестовал против этого соглашения. Председатель Комитета бондхольдеров займа 1862 г. Хамонд просил Солсбери обратить внимание, что эта конвенция, выгодная Оттоманскому банку, была проведена при попустительстве Лайарда, который до своего назначения на дипломатическую службу был председателем Лондонского Правления Оттоманского банка (Turkey, 1880, N 20, p. 67).

Так как турецкой бюрократии было чрезвычайно важно устранить возможность международного контроля, который в скрытом виде заключался в постановлении Берлинского конгресса о финансовой комиссии, а кроме того, недовольство конвенцией 22 ноября 1879 г. в Англии и Франции все возрастало, то Турция, верная своему методу по возможности выигрывать время на переговорах для успокоения своих кредиторов, обратилась непосредственно к своим кредиторам с предложением прислать своих делегатов в Константинополь для переговоров без вмешательства официальных представителей держав.

В чрезвычайно подробной ноте от 3 октября 1880 г. Порты доводила до сведения держав, что она сама попытается самостоятельно договориться со своими кредиторами. В числе долгов, подлежащих будущему соглашению, указывалась в этой ноте и военная контрибуция, а также и текущий долг, по которому уже состоялось соглашение в форме конвенции 22 ноября 1879 г.

Владельцы турецких облигаций отнеслись к ноте Порты сдержанно. Между отдельными группами начались длительные переговоры. Только в конце января 1881 г. в Константинополе появились представители кредиторов Турции. Почти потерявшие надежду на получение своих капиталов, кредиторы Турции сделались более сговорчивыми. Ссоры между ними утихли. Английских держателей представлял Роберт Брук, бывший товарищ министра иностранных дел в кабинете Биконсфильда, французских — бывший вице-директор политического отдела французского Министерства иностранных дел Вольфри.

Переговоры европейских кредиторов с Турцией вызывали тревогу русских дипломатов. Горчаков снова запрашивал мнение Грейга. Адмирал Грейг отвечал Горчакову: «Вы знаете, мой дорогой князь, какую бы радость мне доставило появление турецких лир в кассах государственного казначейства, но я придаю военному вознаграждению значение только политического оружия. Для того чтобы это оружие было бы действительно, не следует, чтобы от бездействия оно ржавело. Поэтому нам следует протестовать против создания новых залоговых прав в пользу новых кредиторов, пока по нашему долгу не будет установлено достаточных гарантий»¹.

Министерство иностранных дел никак не могло, несмотря на все эти советы Грейга, занять в вопросе о контрибуции определенную позицию.

Новый посол России в Турции Новиков², заменивший Лобанова, настоятельно потребовал определенных инструкций по вопросу о военном вознаграждении. Новиков полагал, что необходимо выбрать какую-либо вполне определенную позицию. Он указывал, что можно слить наши претензии с претензиями иностранных кредиторов казны, но что это едва ли желательно, что в таком случае Россия лишится чрезвычайно важного политического инструмента. Попытки задержать переговоры Турции с ее кредиторами, по мнению Новикова, не дадут положительных результатов. Новиков также считал, что оставление требования России в неопределенном положении, без стремления когда-либо их реализовать, а только как средство давления на Оттоманское правительство в тех случаях, когда это нам потребуется, может быть проведено в жизнь. Однако Новиков полагал, что такая политика «каверз» — приведет только к потере нашего положения и будет вредить нашим большим политическим интересам³.

Для дальнейшего понимания хода событий, относящихся к турецкой контрибуции, необходимо остановиться на знаменитом Мухарремском декрете 20 декабря 1881 г. Он придал чрезвычайно своеобразие всей финансовой жизни Турции до начала Первой мировой империалистической войны. Он фактически превратил Турцию в полуколониальную страну. Что толкнуло турецкую правящую бюрократию на данный путь?

В европейских работах, защищающих интересы Администрации Оттоманского долга, распространена версия, что Мухарремский декрет был создан изворотливостью турецкого правительства и что он спас Турцию от прямого вмешательства в турецкие финансы иностранных капиталистов, как это случилось позднее с Египтом и Грецией.

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. 1, л. 53—55.

² Е. П. Новиков (1826—1903), российский дипломат и государственный деятель, в 1879—1882 гг. — чрезвычайный и полномочный посол в Турции (*прим. ред.*).

³ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. 1, л. 114—116 (Депеша Новикова Министерству 4 сентября 1881 г.).

Конечно, внешне турецкому правительству удалось избежать европейского финансового контроля, проектированного на Берлинском конгрессе, но по существу Турция в области своих финансов, приняв условия Мухарремского декрета, подпала под иго кучки европейских капиталистов, по дешевым ценам скупивших во время войны турецкие облигации. В этом торге кредиторам Турции в значительной мере помогла очередная ссора Турции с Англией в конце октября 1879 г.

Торг турецких представителей с кредиторами был долгим и упорным. Каждая сторона желала получить наибольшие уступки. Кредиторы Турции согласились на уменьшение своих долгов до размеров фактически ими внесенных сумм. Вместо 5285 912 600 франков они согласились считать свой долг равным 2 660 931 000 франков.

Трудно установить, какие суммы в действительности получала в свое время Порты по займам. За потерю процентов со времени 1875 г. уменьшенный капитал мажорировался на 10%. Новый процент устанавливался в размере не меньше 1% и не свыше 4% годовых, сообразно поступлению доходов. Погашения были установлены в размере 1%. При наличии больших доходов излишки могли ускорить погашение уменьшенного капитала. Погашение шло в особом порядке. Каждый заем был отнесен к одной из четырех серий.

Для гарантии уплаты создается особое учреждение, носящее название «Администрация Оттоманского государственного долга», с советом во главе. Этому учреждению турецкое правительство уступило в управление, без права вмешательства, следующие свои доходы: доходы от табачной монополии, гербового налога, десятины от табака и таможенного обложения табака, обложения спиртных напитков, налога на рыбную ловлю в Константинополе и его окрестностях, десятину на шелк, доходы от возможного повышения таможенного обложения, доходы от излишка дохода от повсеместного применения патентного налога, доходы из излишков дохода Кипра, повинность Восточной Румелии, доход от излишков подоходного налога.

Кроме того, Мухарремский декрет передавал «Администрации Оттоманского государственного долга» дань Болгарии и взносы для платежей по государственному турецкому долгу Болгарии, Сербии, Черногории и Греции, которые эти страны должны были платить Турции на основании статей 9, 18, 33, 42 Берлинского трактата и статьи 10 Константинопольской конвенции от 24 мая 1881 г. между Грецией и Турцией.

Администрации Оттоманского долга предоставлялось право организовать, самостоятельное монопольное табачное предприятие, которое объединяло бы у себя переработку табака. Во главе Администрации государственного долга Турции стоял Совет администрации, составленный из представителей держателей облигаций государственного турецкого долга. Член Совета не может быть турецким чиновником и не может являться официальным представителем какого-либо государства. Председателями Совета могли по очереди быть представители французских или английских кредиторов Турции. Во главе управления назначался главный директор, который должен был ведать непосредственно всеми делами Администрации Оттоманского долга. Он сам и все ему подчиненные служащие Администрации Оттоманского долга считались турецкими чиновниками, хотя их назначение и увольнение было в руках Совета Администрации Оттоманского долга. В распоряжении главного директора могла быть целая армия служащих для непосредственного взимания налогов или для контроля за ходом обложения и поступления. Совет получал право или организовать непосредственное взимание налога или отдать на откуп. Нет смысла останавливаться на организационных подробностях Администрации Оттоманского долга. При помощи этой, со временем ставшей очень многочисленной и очень влиятельной армии служащих

и зависящих лиц, Администрация Оттоманского долга вполне гарантировала кредиторам Турции исправный платеж процентов, чего не могла сделать турецкая администрация. Перелив средства турецкого народного хозяйства в карманы биржевиков, во время биржевых паник дешево скупивших турецкие облигации, был, таким образом, гарантирован самым совершенным способом.

В турецких правительственных кругах во время переговоров с западно-европейскими кредиторами, с одной стороны, и с русскими представителями об уплате контрибуции — с другой, возникла мысль объединить вместе эти требования обеих сторон. Турецкие представители предлагали создать одну общую организацию.

Эта мысль была отвергнута бондхольдерами, которые считали, что платежи в пользу России могут в значительной мере подорвать их будущие доходы. Они все время подчеркивали, что долги им, согласно протоколам Берлинского конгресса, пользуются приоритетом перед контрибуцией. Русские послы Лобанов и Новиков также не считали возможным слияние русских требований с требованиями кредиторов Турции, так как такое слияние ставило русское правительство в одинаковое положение с европейскими спекулянтами.

Впоследствии в русской дипломатии было много разговоров по этому вопросу. Некоторые из представителей царского правительства в Константинополе считали, что Лобанов и Новиков сделали ошибку, допустив создание могущественного аппарата защиты интересов иностранных кредиторов без участия России. С первого же дня своей организации Совет Администрации Государственного турецкого долга должен был считаться с враждебным отношением к нему русского посольства и всех тех общественных группировок, что примыкали к нему в Турции. С другой стороны, и русское посольство должно было иметь всегда в виду, что Администрация Государственного турецкого долга со всеми ее многочисленными чиновниками была также с момента своего возникновения враждебно настроена к русскому посольству. Громадный чиновничий аппарат, получающий большие оклады из кассы Администрации Государственного турецкого долга, понимал, что его большие доходы могут прекратиться, если России как-либо удастся подкопаться под все большое здание, созданное Мухарремским декретом.

Русское царское правительство особенно проявило холодность и враждебность к Администрации Оттоманского долга в вопросе об обязательствах, возложенных Берлинским трактатом на балканские государства в отношении Оттоманского государственного долга. Как было сказано в главе о Берлинском конгрессе, Берлинский трактат обязал Болгарию, Сербию, Черногорию принять на себя определенные платежи Турции в связи с теми частями государственного долга, которые должны были прийти на их долю. Тот же принцип был включен и в статью 10 Константинопольской конвенции, заключенной между Турцией и Грецией 24 мая 1881 г., окончательно урегулировавшей взаимоотношения Турции и Греции после русско-турецкой войны.

Желая ускорить погашение своих долгов, турецкое правительство при выработке Мухарремского декрета передало эти платежи Администрации Оттоманского долга (11 и 12 статьи Мухарремского декрета). Турецкие власти охотно передали этот источник своих доходов Администрации Оттоманского долга, так как сама Турция платежей не получала и не надеялась получить. По Берлинскому трактату был признан принцип обязательных платежей балканских государств Турции, а размер должен был быть установлен представителями великих держав в Константинополе.

После Берлинского конгресса политика европейских держав заключалась в привлечении к себе балканских государств, в желании направить их в русло антицарской политики. Напоминать о платежах в пользу Турции было неудобно. В результате, константинопольские послы не торопились определять размер платежей, только

бондхольдеры напоминали своим правительствам об этих платежах. Сэр Роберт Бурк, один из крупных держателей турецких облигаций, внес запрос в 1882 г. даже в Палату общин, указывая, что Берлинский трактат не выполняется. Английское Министерство иностранных дел сделало расчет приблизительных сумм, которые должны были уплачиваться балканскими государствами. Оно отправило подробную инструкцию своему послу в Константинополе, но у русского константинопольского посольства не было инструкций по этому вопросу и, видимо, оно не спешило их получить. Поддерживать интересы Администрации Оттоманского долга и заставлять балканские государства что-либо вносить в кассу Администрации для погашения турецких долгов и из-за этого ссориться с балканскими государствами было не в интересах русской дипломатии.

После войны 1877—1878 гг. между Россией и балканскими государствами и без того было много материала для ссор и увеличивать этот материал русская дипломатия не хотела.

Администрация Оттоманского долга видела в этом интригу русского правительства. В своих ежегодных отчетах Совет Администрации никогда не забывал вспомнить об этих потерянных возможностях более быстрого погашения долга Оттоманской империи (А. N., 1927, p. 225—227).

Конвенция 1882 г.

В виду своих очередных заигрываний с Турцией и в виду обострения отношений между Турцией и Англией, русской дипломатии совершенно не хотелось в этот момент портить свои отношения с турецким правительством из-за военного вознаграждения. Министерство иностранных дел не хотело брать на себя ответственность и вносить в этот вопрос ясность. Оно пожелало иметь в этой дипломатической игре еще одного партнера. Партнером должно было явиться Министерство финансов. Гирс¹ просил отправить в Константинополь какое-либо компетентное в области финансов лицо. Министерство выбирает директора департамента казначейства Тернера², типичного петербургского чиновника 70—80-х гг., в меру образованного, в меру бесцветного, в меру лишенного инициативы, в меру старательного.

Тернер никогда раньше и никогда после не занимался турецкими делами. Перед отъездом он не знал Турции почти совсем. Но, как исправный чиновник, он потребовал в свое распоряжение всю переписку по этим делам, какая была у Министерства финансов.

Министерство финансов и Министерство иностранных дел совместно работали над выработкой инструкции для Тернера. Переговоры с дипломатическими представителями России, в том числе с представителем Министерства финансов Тернером, шли параллельно с переговорами с представителями кредиторов. Турецкой бюрократии было очень удобно вести эти переговоры одновременно. Получив уступки у одних, турецкие министры требовали уступки такого же характера и у других.

Тернер пробовал сперва требовать от Турции таких же условий в отношении процента погашения и гарантии, которые Турция была готова дать европейским должникам. Он не скрывал своего намерения произвести коммерциализацию

¹ Н. К. Гирс (1820—1895), российский государственный деятель. В 1875 г. был назначен управляющим Азиатским департаментом и товарищем министра иностранных дел А. М. Горчакова, в 1882—1895 гг. — министр иностранных дел (*прим. ред.*).

² Ф. Г. Тернер (1828—1906), российский государственный деятель. С сентября 1881 по май 1882 г. находился в командировке в Константинополе в качестве уполномоченного от Министерства финансов (*прим. ред.*).

контрибуции. Эту идею Тернер подробно излагал в своих подготовительных записках до выезда в Константинополь. План его был прост: получить от Турции ежегодный платеж, в 600 000 тыс. руб. и получить под гарантию этого ежегодного платежа заем на европейском рынке в размере 20 млн фунтов. Турецкие представители заявили, что, если Россия желает в отношении процентов погашения и гарантии получить те же условия, что и европейские кредиторы, то она должна сократить военное вознаграждение или на три пятых, или, по крайней мере, на половину. При уменьшении контрибуции на три пятых и при проценте роста в $\frac{1}{2}\%$ Россия может претендовать на ежегодный платеж в 240 тыс. и тогда она будет в совершенно одинаковом положении, как и другие кредиторы Турции.

В комиссии, которой было поручено турецким правительством договориться с русскими представителями, Ассим-Паша, тогдашний министр иностранных дел Турции, сделал официальное предложение русским представителям согласиться на уменьшение до двух пятых контрибуции. Турецкое правительство и представители иностранных кредиторов открыли большую кампанию в газетах. В одной из галатских французских газет появился ряд статей, направленных против требований русских дипломатических представителей и, в частности, против Тернера.

Галатская газета в самой середине переговоров писала: «Кредиторам Турции, согласившимся на то, чтобы их претензии к турецкому государству были уменьшены до двух пятых, трудно понять, почему Россия должна получить полностью. Претензия подобного рода может быть поддержана силой, но если пытаться морально ее оправдать, то обстоятельства, которые привели к войне, не дадут России очень сильных аргументов. Эти соображения настолько ясны, что совершенно излишне их развивать. Мы не думаем, что Россия предполагает играть роль политического Шейлока в тот самый момент, когда Европа готова взять роль Порции: ведь игра Шейлока кончается плохо. Нет сомнения, что Тернер на будущих заседаниях комиссии должен обнаружить такую же умеренность, как кредиторы Турции по консолидированному долгу» (*Le Phare*, 1881, 2 nov.).

Русские представители ставили себе задачу получить условия по выплате контрибуции не хуже европейских бонд-хольдеров. Посол России Новиков официально заявил Порте, что вопрос о военном вознаграждении должен быть решен одновременно с вопросом о долгах европейским кредиторам. Когда же в комиссии, он поставил вопрос о гарантии, турецкие уполномоченные распустили слух в Константинополе, что Россия требует оккупации Эрзерума до выплаты военного вознаграждения. Газеты подхватили эту специальную дипломатическую басню. Английское посольство начало интересоваться ходом переговоров о контрибуции.

Запрошенный Гирсом министр финансов Бунге¹ решительно ответил, что, по его мнению, никак нельзя соглашаться на уменьшение общего размера военного вознаграждения. Гирс указал Новикову, что он в этом вопросе не должен делать уступки. Видимо, Новиков и Тернер поняли министерское указание в том духе, что это единственный пункт, где им запрещается делать Турции какие-либо уступки.

Между тем время шло. Кредиторы Турции договорились и между собою и с турецким правительством. Мухарремский декрет был уже издан. Новиков предлагал министерству официально опротестовать это соглашение под тем предлогом, что хотя Россия и принимает во внимание интересы прежних должников Турции, но что Мухарремский декрет в корне меняет финансовое положение Турции и поэтому

¹ Н. Х. Бунге (1823–1895), российский государственный деятель. Министр финансов в 1881–1886 гг., в 1887–1895 гг. — председатель Комитета министров (*прим. ред.*).

не дает никаких возможностей регулярного платежа военного вознаграждения. Гире не решился на этот протест, считая, что он не будет соответствовать духу протоколов Берлинского конгресса.

Новиков и Тернер пошли на уступки. Они согласились совершенно отказаться от взимания процентов по капиталу военного вознаграждения. Они согласились на ежегодное погашение в один процент. Они согласились на то, что платеж причитающегося ежегодного погашения был бы гарантирован десятичными сборами некоторых вилайетов¹ Турции. Дальше переговоры столкнулись с вопросом контроля над теми доходами, которыми должны были гарантировать платежи контрибуции. Тернер настаивал на поручении этой работы русским чиновникам. Соответственно отредактированный параграф был внесен в проект будущей конвенции.

Турецкие представители начали доказывать, что подобного рода контроль нарушит суверенные права султана.

Теряя терпение и веру в благополучный исход переговоров, второй представитель русского правительства Тернер, просит Бунге убедить Министерство иностранных дел в необходимости предъявить Турции требование в самой категорической форме о даче окончательного ответа по всем спорным пунктам².

Тернер считал, что русским представителям необходимо получить ответ раньше, чем будет начата правильная работа Совета Администрации Оттоманского долга.

Видимо, исчерпав все открытые способы дипломатического воздействия на турецких представителей, Новиков решил действовать теми аргументами, которыми русская дипломатия в Турции при царском режиме прибегала во всех своих затруднительных случаях, т. е. для ускорения дела дать кому-то взятку. Новиков потребовал, чтобы ему были предоставлены соответствующие суммы. Министерство иностранных дел обратилось в Министерство финансов за соответствующими кредитами.

В Кредитной канцелярии стали разбирать подробно вопрос и нашли, что, по примеру бывших случаев, Константинопольскому посольству дать деньги для секретных расходов можно, так как в делах кредитной канцелярии имеется переписка, доказывающая, что князь Горчаков выхлопотал для Константинопольского посольства в 60-х годах у тогдашнего министра финансов М. Х. Рейтерна 200 тыс. руб. серебром на секретные расходы³. Двести тысяч Бунге на секретные расходы не дал, а разрешил тратить 70 тыс. золотом. Это должно было способствовать ускорению затянувшихся переговоров.

Не довольствуясь официальными переговорами, отчеты о которых появлялись в газетах, турецкое правительство повело от имени султана секретные переговоры с русским послом Новиковым. Султан Абдул-Гамид попросил посла сообщить в Петербург, для доклада Императору, что он просит, «в порядке личного одолжения, отказаться от параграфа, предусматривающего контроль за гарантированными доходами русских инспекторов. Он обязывается честно платить нам аккуратно ежегодные платежи. В случае невыполнения — восстановить указанный параграф».

В ответ на секретные просьбы султана из Петербурга предложили Новикову найти какой-либо другой способ контроля гарантированных доходов.

В самом начале мая 1882 г. Новиков доносил Министерству иностранных дел, что турецкие уполномоченные соглашаются на принятие пункта о контроле над

¹ Основная административно-территориальная единица в некоторых странах Северной Африки и Ближнего Востока (*прим. ред.*).

² Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, л. 66, т. I (Доклад Тернера министру финансов Бунге 29 января 1882 г.).

³ Там же, л. 172.

поступлениями налоговых платежей только при условии, чтобы этот вопрос был внесен в совершенно частное соглашение между Оттоманским банком и русским Государственным банком¹.

Можно было вступить в соглашение с Администрацией Оттоманского Государственного долга, но среди русских дипломатических представителей того времени было враждебное отношение к этой организации.

Горчаков, говоря о спекуляционных наживах, как сути всех оттоманских долгов, правильно отражал мнение русской дипломатии. Она в своей работе не раз сталкивалась с европейскими ростовщиками, стряпавшими эмиссии турецких займов. Кроме того, нескрываемое враждебное отношение русских дипломатических представителей к самой идее упорядочения турецких долгов было сегодняшним днем в Константинополе.

Газетная кампания в октябре — декабре 1881 г. велась будущими членами Совета Администрации Оттоманского государственного долга. В силу создавшихся обстоятельств пришлось прибегнуть к услугам другого, немногим более приятного для царской России, константинопольского предприятия, а именно — к услугам Оттоманского банка. Оттоманский банк также не мог быть в фаворе у официальных представителей России. Он был связан с теми политическими группировками в Турции, которые были враждебны России, и являлся проводником английских и французских экономических и политических интересов Турции.

Оттоманский банк во время войны пошел на исключительно рискованные операции для того, чтобы в трудную минуту помочь Турции. Враждебность этого банка к царской России была совершенно очевидна, однако в данной ситуации обойтись без его услуг нельзя было. Для Оттоманского банка было выгодно участие в организации уплаты турецкой контрибуции. Если Турция будет платить контрибуцию, то это дело не должно идти мимо Оттоманского банка. Участвуя в организации выплаты турецкой контрибуции, Оттоманский банк сразу ставил в зависимость от себя враждебное ему русское правительство и, с другой стороны, усиливал свое влияние на турецкое правительство и на турецкое народное хозяйство, плотнее его охватывая, еще и со стороны денежных требований России.

С чисто коммерческой стороны участие Оттоманского банка сразу же обставлялось Правлением Оттоманского банка так, что все дело должно было давать банку вполне хороший доход.

Для турецкой бюрократии участие Оттоманского банка было удобно. Оттоманский банк был официально турецким предприятием, подчиненным турецкому министру финансов. Для Англии и Франции, а также для европейских кредиторов Турции участие Оттоманского банка в уплате турецкой контрибуции, если этой контрибуции суждено существовать, было также удобно. Им было бы более неприятно, если бы Оттоманский банк остался в стороне от этого дела, которое затеяно их экономическими и политическими противниками.

Участие Оттоманского банка в военном вознаграждении, уплачиваемом Турцией России, гарантировало им, что они будут во всех подробностях осведомлены о малейших деталях этого дела. Ведь главные воротилы Совета Администрации Оттоманского долга большим количеством нитей были связаны с Правлением Оттоманского банка.

Вся эта ситуация не могла особенно улыбаться русским дипломатам, но у них не было иного выхода с того момента, когда турецкие представители в секретных

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. I, л. 111–112.

переговорах добились отказа России от организации своего контроля за поступлением гарантированных финансовых средств, предоставленных Турцией для обеспечения регулярности платежей.

Согласование столь противоположных интересов, конечно, требовало значительного периода времени. Весь март и апрель 1882 г. ушли на длительные переговоры между турецким правительством, русским посольством и Оттоманским банком. Только 14 мая 1882 г. была подписана конвенция между русским и турецким правительствами о военном вознаграждении.

Конвенция 14 мая оставляла размер контрибуции без изменения. Турция признала по этой конвенции, что она уплатит русскому правительству военное вознаграждение в 802 500 000 франков.

Русское правительство отказалось от требования процентов по военному погашению капитала военного вознаграждения 350 000 тыс. турецких лир ежегодно. Так как при курсе за турецкую лиру 22,64, выговоренному по Константинопольскому мирному трактату, военное вознаграждение равнялось 350 000 000 турецких лир, то таким образом по конвенции 14 мая 1882 г. устанавливался 100-летний срок для погашения всей контрибуции.

Иначе говоря, русское правительство было вынуждено принять условия, приближающиеся к тем, что выговорили себе европейские должники. По Мухарремскому декрету погашение конвертированной и уменьшенной задолженности Турции европейским кредиторам также растягивалось при 1% с оставшегося номинала на сто лет, причем европейские кредиторы выторговали, что в случае увеличения поступления доходов, отданных в администрирование Управления Оттоманского долга, они могут надеяться на ускорение процесса погашения, что в действительности и случилось.

У русского правительства для такой надежды на ускорение уплаты контрибуции не было ни малейших оснований. Русское правительство отказалось уменьшить обеспеченный размер своих требований. Оно согласилось не требовать процентов на капитал военного вознаграждения, но зато закрепило за собой вмешательство в дела Турции на срок, совершенно сказочный.

По существу, в силу сложившихся обстоятельств в этой обстановке, контрибуция Турции России утрачивала свои основные черты, характерные для контрибуции XVIII в. и XIX в. Она приближалась к дани, которой облагались покоренные народы в эпоху первых этапов развития денежного хозяйства. Оттоманское правительство дало обещание выплачивать указанную сумму в 350 тыс. турецких лир (2880 тыс. руб. золотом) из сумм десятинного сбора и налога на овец (ст. II). Десятинные сборы и налог на овец, предназначенные для уплаты военного вознаграждения, должны взиматься в тех вилайетах или мутессарифлыках¹, в которых Оттоманский банк имеет конторы или агентов (ст. III). Назначенные на уплату военного вознаграждения суммы в каждом вилайете или мутессарифлыке должны быть меньше на 35% всего сбора данного вилайета или мутессарифлыка поступления десятинного сбора или поступления налога на овец данных местностей (ст. IV).

В статье V конвенции сказано: «Весь чистый сбор с налогов в вилайетах и мутессарифлыках, о которых идет речь, т. е. сумма, остающаяся за вычетом издержек по собиранию налогов, будет внесена местными властями, на которых возложен этот сбор в сказанных вилайетах или мутессарифлыках, полностью и непосредственно в кассы Оттоманского банка, в силу особого и неизменного ирадэ».

¹ То есть округах (*прим. ред.*).

Согласно конвенции 14 мая 1882 г., Оттоманский банк был обязан войти в соглашение с русским Государственным банком по вопросам, касающимся уплаты военного вознаграждения (ст. VI).

Турецкое правительство выговорило себе право, в случае необходимости, производить замену местностей, обложением которых гарантировалась правильность уплаты военного вознаграждения, другими местностями (ст. XI). Турецкое правительство обязалось воспретить своему Министерству финансов, а также администрации вилайетов и мутессарифлыков выдавать ассигновки (хавалэ), чеки или дать другое распоряжение по платежам в счет налогов на овец и десятинных сборов, получивших уже назначение в означенных местностях (ст. VIII).

В турецкий бюджет доходы от десятинных сборов и налога на овец, ассигнованные для уплаты контрибуции России, должны по конвенции впредь вноситься только для счета как по доходу, так и по расходу (ст. IX).

Седьмая статья конвенции 14 мая 1882 г. возлагала на Оттоманский банк обязанность со дня подписания конвенции удерживать, прежде всего, по мере поступления налогов десятинных и на овец, сумму, назначенную на военное вознаграждение России и немедленно представить в распоряжение местной администрации весь излишек поступлений по каждому вилайету после того, как часть, причитающаяся на военное вознаграждение, будет собрана и отложена для русского Государственного банка (ст. VII).

Центральным пунктом всей конвенции являлась десятая статья, устанавливающая размеры доходов по отдельным вилайетам. «Согласно статей III и IV настоящей конвенции, неуплату условленных годичных взносов назначены будут нижеуказанные доходы с вилайетов Алепского, Конийского, Кастамунийского, Аданского и Сивасского, доходы, из которых уже вычтены издержки по сбору (*Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année, 1883, p. 222–233 и 68–75* русской части того же издания):

Доходы

	Налог на овец, тур. лир	Десятинный налог, тур. лир	Итого, тур. лир
Алепский вилайет	40 000	—	40 000
Конийский »	—	138 000	138 000
Кастамунийский »	—	110 000	110 000
Аданский »	—	70 000	70 000
По округам			
Сивасского вилайета			
Сивасский округ	55 000		
Токадский	20 000	79 500	79 500
Кара-Гисар-Шаркайский округ	4500		
Итого по всему вилайету	79 500		
	40 000	397 500	437 500

В этом итоге 350 000 турецких лир представляют сумму годичного взноса, а остаток служит дополнительным обеспечением 25% согласно V и VIII статьям настоящей конвенции¹.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 1882, № 72, 6 авг. С. 1109–1115 (*прим. ред.*).

При заключении конвенции 14 мая 1882 г. географическое распределение между отдельными вилайетами сумм платежа играло совершенно второстепенную роль. А. И. Нелидов¹ и Гернер заботились главным образом о том, чтобы была гарантирована сумма в 350 тыс. турецких лир. Будет ли она поступать с одних или с других вилайетов, в большей или меньшей степени, их мало интересовало. Они придавали значение тому, что платежеспособность для всех указанных вилайетов превышает ежегодный платеж. Турции на сумму, почти равную 25% основного платежа.

Для турецких представителей географическое положение вилайетов имело, конечно, большое значение. Они стремились дать России в качестве залога исправного поступления доходы тех вилайетов, которые непосредственно не соприкасались с русской границей. Три из них: Алеппский, Аданский и Конийский лежат вблизи только что уступленного тогда Англии Кипра. В них сильно было влияние Франции, проникавшей сюда из Сирии. Два другие вилайета — Кастамунийский и Сивасский — находились в средней части Анатолии. К ним Россия могла подойти только путем захвата Эрзерума, о защите которого от России Англия заботилась почти столько, сколько и Турция. Трудно было предвидеть те осложнения, которые в будущем должны были появиться на почве выбора вилайетов, доходами которых Турция стремилась гарантировать русскому правительству регулярность уплаты военного вознаграждения.

При применении конвенции в жизнь платежи с вилайетов поступали обычно в таком размере:

1. Алеппский — налог на овец	32 000
2. Конийский — десятинный сбор	110 400
3. Кастамунийский — десятинный сбор	88 000
4. Аданский — десятинный сбор	55 000
5. Сивасский — десятинный сбор	63 000

350 000 тур. лир

Соглашение, предусмотренное VI пунктом конвенции 14 мая 1882 г. между русским Государственным банком и Оттоманским банком, потребовало тоже продолжительных переговоров. Оттоманский банк увидел, что его положение выигрышно, и не желал продешевить свои услуги. Только 29 декабря 1882 г. было заключено первое соглашение между Оттоманским банком и русским Государственным банком. По этому соглашению Оттоманский банк обязался принимать в свои кассы от местных сборщиков десятинные сборы и налог на овец, производить конверсию местных валют, которыми будут сделаны взносы в золото, и производить переводы собранных сумм сперва в Константинополь, а из Константинополя в Европу, в распоряжение русского Государственного банка. Оттоманский банк обязался в своем правлении в Константинополе организовать специальное бюро, в котором сосредоточить книги по детальным записям всех операций, производимых по инкассированию доходов, предназначенных для платежа военного вознаграждения. Это же бюро должно было вести всю корреспонденцию обо всем, что касается обслуживания инкассации указанных сумм. Представитель русского Государственного банка, по соглашению, получал право знакомиться с корреспонденцией и книгами Оттоманского банка, относящимися к инкассированию сумм военного вознаграждения.

¹ А. И. Нелидов (1835–1910), российский государственный деятель. С 1882 г. — управляющий посольством в Константинополе, а с июля 1883 г. по 1897 г. — посол в Константинополе (*прим. ред.*).

Выполнение конвенции

Оттоманский банк сумел выторговать себе весьма высокую комиссию за производство инкассовой операции по военному вознаграждению. Сперва он получил 6% за инкассированные суммы, да еще $\frac{1}{2}\%$ за перевод этих сумм в европейские банки, по указанию Государственного банка. Эта высокая комиссия существовала только одно полугодие. Со второй половины 1883 г. Оттоманский банк стал получать только 4% комиссионного вознаграждения за инкассирование сборов, уплачиваемых в счет военного вознаграждения.

Первое соглашение между Оттоманским банком и Государственным банком было заключено на 7 лет. В 1890 г. на основании практики предшествовавших лет было заключено новое соглашение, но уже не между двумя банками, как в 1882 г. настаивало турецкое правительство, а между Оттоманским банком и Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов. Фикция частно-коммерческого соглашения в этом договоре была проведена в меньшей, степени, чем в предыдущем. По этому соглашению от 24 апреля 1890 г. Оттоманский банк получал следующее вознаграждение за свое участие в организации уплаты Турцией контрибуции России. Русское правительство ему платило за инкассирование сумм десятинного сбора и налога на овец:

1. $3\frac{1}{2}\%$ за первые 100 тыс. турецких лир.
2. $4\frac{1}{2}\%$ за вторые 100 тыс. турецких лир.
3. 6% за суммы свыше 200 тыс. турецких лир.

За перевод инкассированных сумм Оттоманский банк получал:

$\frac{1}{2}\%$ за перевод в европейские банки сумм до 200 тыс. турецких лир.

$\frac{1}{4}\%$ за перевод сумм свыше 200 тыс. турецких лир.

Всякие случайные поступления в счет военного вознаграждения оплачивались русским правительством в размере 2% за инкассирование, и, кроме того, Оттоманский банк получал свою обычную, только что указанную комиссию за перевод сумм в европейские банки в распоряжение Кредитной канцелярии Министерства финансов.

С первого же момента обнаружилось все своеобразие конвенции 14 мая 1882 г. После подписания конвенции Великий визирь направил благодарственную ноту А. Н. Нелидову. «С чувством особого удовлетворения Его Величество принял доказательство дружбы и благорасположения, какое было угодно Его Императорскому Величеству Императору Всероссийскому (Александру III. — А. Б.) ему оказать в этих обстоятельствах. Я прошу, Ваше Превосходительство, довести до сведения его Величества Императора выражение глубокой благодарности Блистательной Порты».

«Блистательная Порта спешит сообщить Вашему Превосходительству, что она приняла все меры для того, чтобы конвенция получила самое добросовестное выполнение с 1 марта 1883 г.»¹ т. е. Блистательная Порта отсрочила ее исполнение почти на один год.

Эта нота крайне характерна для отношения турецкого правительства к платежу военного вознаграждения. Подписав конвенцию, оно на другой же день стало оттягивать его исполнение. Нелидов должен был немедленно послать категорический протест против затягивания платежей. Снова возник спор, когда же начинать платежи, — с 1 января или с 1 марта. Турецкое Министерство финансов доказывало, что оно может платить с 1 марта, так как с 1 марта, начинается

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. II, л. 10–16.

финансовый турецкий год. Русское посольство доказывало, что в конвенции и при переговорах дело шло о 1 января.

В качестве арбитра был приглашен Оттоманский банк, который признал правильной турецкую точку зрения на срок начала платежей с первого марта.

Нелидов в резкой, не допускавшей возражений, форме потребовал от Порты выполнения только что подписанной конвенции. Порта была вынуждена дать указания местным властям о передаче собранных поступлений по налогам, которые были ассигнованы на уплату контрибуции, в отделения Оттоманского банка, а Оттоманский банк известил русский Государственный банк о поступлении этих сумм на его счет. Государственный банк запросил Особенную канцелярию Министерства финансов по кредитной части, что делать с этими суммами. Кредитная канцелярия дала указания, что суммы должны быть направлены в Лондон, в банкирский дом «Бр. Ротшильдов». До 1885 г., т. е. до момента острых трений с Англией, собранные в Турции с турецких крестьян суммы для уплаты контрибуции переправлялись в Лондон, в банкирский дом бр. Ротшильдов, на особый счет Русского государственного казначейства¹. С 1885 г. суммы турецкой контрибуции переводились в Париж, в банкирский дом Hoskier. С 90-х гг., при Вышнеградском², они стали регулярно пересылаться в Париж, в банкирский дом парижских Ротшильдов, на счет русского Государственного казначейства.

С первых же дней выяснилось, что суммы контрибуционных платежей поступают в совершенно недостаточных размерах, и, вследствие этого, открылась постоянная и бесконечная, чрезвычайно трафаретная переписка нотами между русским посольством в Константинополе и оттоманским правительством. Переписка тянется почти 25 лет. Тема остается одна и та же. Трафаретные обращения и трафаретные ответы.

Турецкое Министерство иностранных дел 21 августа 1884 г. вручает посольству ноту, в которой торжественно заверяет, что «все необходимые распоряжения сделаны, чтобы обеспечить регулярный платеж ежегодных взносов военного вознаграждения»³.

На деле прежде, чем собранные суммы поступали в распоряжение агентов Оттоманского банка для перевода в Константинополь, местные турецкие власти в лице заведующих финансовой частью вилайетов (дефтердар), опираясь на пункт конвенции 14 мая 1882 г., по которой 25% дохода от налогов, которые обеспечивали платеж контрибуции, могли идти на местные нужды, начинали покрывать расходы по местным нуждам из первых же поступлений. Когда же было нужно что-либо внести в Оттоманский банк в счет уплаты контрибуции, у них ничего не оказывалось. Кроме того, центральные власти выдавали своим кредиторам ассигновки на те же доходы, хотя выдача подобного рода ассигновок (хавале) на эти вилайеты не должна была бы производиться, так как русское правительство, хорошо осведомленное об этой особенности турецких финансов, заставило Порту дать обещание не выдавать хавале на доходы вилайетов от налогов, обеспечивающие исправный платеж контрибуции (ст. VIII конвенции 14 мая 1882 г.).

Один из знатоков турецкого финансового хозяйства следующим образом описывает механизм хавале. Хавале является переводным векселем на одно из местных казначейств, выданное в большинстве случаев Министерством финансов в Константинополе, а в некоторых случаях Управлением двора султана или,

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. III, л. 15.

² И. А. Вышнеградский (1831–1895), российский государственный деятель. Министр финансов в 1887–1892 гг. (*прим. ред.*).

³ Там же.

в более редких случаях, отдельным министерством. Когда какой-либо кредитор казначейства делается особенно настойчив и от него необходимо отделаться, Министерство финансов выдает ему переводный вексель (платежное требование) на кассу одного из местных казначейств государства в вилайетах.

В Константинополе Министерство финансов отлично знает, что переводный вексель совершенно не имеет никакого значения. Кредитор представляет переводный вексель местному казначею, который его акцептует, также хорошо зная, что у него нет средств платить по этому переводному векселю казначейства. Когда приходит и проходит срок платежа по переводному векселю, от искусства местного казначея зависит поддержать возможно дольше у кредитора иллюзию, что переводная тратта скоро будет оплачена. Ему обещают уплатить завтра, в начале, следующей недели, в конце месяца, уж обязательно в начале следующего месяца. Задача сводится к тому, чтобы удержать беспокойного кредитора или его представителя возможно дольше в провинции, чтобы он не появился снова в Константинополе и не стал тревожить своими надоеданиями то должностное лицо, которое выдало переводный вексель.

Взятка в конечном счете смягчает сердце местных властей и они оплачивают хавале. Оплата хавале для них выгоднее, чем взнос в Оттоманский банк в пользу русского казначейства, которое мелким местным должностным лицам взятки не платит. Оттоманский банк, носящий официальное название Императорского Оттоманского банка, формально являющегося турецким государственным учреждением, не мог, конечно, проявлять особый интерес к русской контрибуции и сориться из-за нее с турецкими местными властями.

Договор, заключенный между Оттоманским банком и русским Государственным банком, предполагал назначение особого делегата Государственного банка для надзора за ходом выполнения платежа контрибуции. Этим делегатом в Константинополь был назначен чиновник Кредитной канцелярии Кухта¹. Кредитная канцелярия Министерства финансов была самой аристократической частью министерства. В ней проходили службу люди с большими аристократическими связями, делавшие большую бюрократическую карьеру. Изредка для ответственных работ в эту канцелярию брали людей, не могущих хвастаться своим происхождением, но достаточно способных. Таким и был Кухта, способный и знающий чиновник, обреченный по недостатку аристократических связей всегда делать только черновую закусную работу. Он шесть лет (с 1882 по 1889 г.) пробыл в Константинополе в качестве делегата Государственного банка. Русское посольство находило, что этот человек без аристократического имени, какой-то Кухта, не на месте в числе русских должностных лиц в Константинополе и старательно заботились об его отозвании. Кухта был отозван, а обязанности делегата Государственного банка были поручены одному из драгоманов посольства — Майкову. Кухта вернулся снова в Кредитную канцелярию в 1889 г. и в продолжение почти десяти следующих лет является главным докладчиком Министерства финансов по делам турецкой контрибуции. Министры финансов Вышнеградский и Витте ставят свои подписи под официальными записками, составленными и отредактированными Кухтой. Министерство финансов, видимо, оценило Кухту за то, что он в недостаточной мере верно отражал в своих записках основную линию Министерства финансов в вопросе турецкой контрибуции.

Взгляд русского Министерства финансов на турецкую контрибуцию изменился в середине 80-х гг. Предшествующие министры Рейтерн и Грейг не придавали ей никакого значения. При Бунге и Вышнеградском, когда русский бюджет попал

¹ К. П. Кухта (1854 — после 1917), чиновник особых поручений Министерства финансов (*прим. ред.*).

в полосу постоянных дефицитов и когда происходили значительные колебания в расчетном и платежном балансе России, Министерство финансов стало обращать внимание на поступление турецкой контрибуции. Несмотря на скромность размеров контрибуции, то обстоятельство, что контрибуция приносила иностранную валюту без больших затруднений, вызывало к ней повышенное внимание.

В 1884 г. Кухта подвел итог двухлетнему действию конвенции 14 мая 1882 г. Итоги эти были не блестящи. По мнению Кухты, дело подвигается весьма медленно; турецкие власти не сознают важности состоявшегося финансового соглашения. «Неплатеж доходов производится по прямым распоряжениям Порты и даже непосредственно из султанского дворца».

Ноты русского посольства не производят почти никакого действия. «Вообще из сопоставления характера требований Императорского посольства перед Портой и их результатами позволительно вывести, что представления не столько побуждают Порту к уплате денег, сколько наводят ее на сомнения в серьезности самих требований русского правительства»¹.

После заключения Константинопольского мира Кухта доказывал, что турецкое правительство имеет деньги, но тратит их на военные нужды. Кухта упрекает посольство в том, что у ряда сотрудников посольства нет уверенности, что конвенция 14 мая долговечна. «Господствует мнение, что Турция платить не будет»².

Доклад Кухты лег в основу обширного представления Министерства финансов министру иностранных дел об упорядочении дела уплаты контрибуции (18 марта 1885 г.). Министерство потребовало от русского посла более энергичных мер³. Посол отправил очередную ноту. Турецкая официальная печать сейчас же открыла газетную кампанию по поводу русских требований, выражая надежду, что «едва ли русское посольство будет настойчиво в своих требованиях, так как Россия ищет сближения с Портой и дала уже последней некоторые доказательства готовности пожертвовать материальными интересами»⁴. Но кампания в газетах на этот раз мало помогла турецкому правительству. Русское посольство продолжало настаивать на принятии мер. Для его успокоения турецкое Министерство иностранных дел сообщило ему, что министр финансов разослал в вилайеты строгую телеграмму всем чиновникам, в ведении которых находятся сборы, вносимые для уплаты контрибуции, и что он потребовал от них упорядочения всех платежей по контрибуции. Текст телеграммы был сообщен русскому посольству. Она кончалась так: «От нынешнего дня вы будете лично нести ответственность за поступления десятинных сборов и если эти поступления будут неправильно израсходованы, вы будете освобождены от ваших обязанностей и понесете еще соответствующее наказание. Об этом я вас официально извещаю»⁵.

Но все эти мероприятия давали очень небольшой эффект. В мае 1886 г. поверенный в делах русского посольства Ону⁶ доносил министру иностранных дел: «Я не перестаю протестовать против этого мало удовлетворительного положения вещей, и Великий визирь не перестает мне давать наилучшие заверения»⁷.

Кухта выдвигал проект заключения русским правительством особого соглашения с Оттоманским банком, чтобы его больше заинтересовать в уплате контрибуции. Кухта и русское посольство были чрезвычайно обрадованы, когда турецкое

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. III, л. 29.

² Там же, л. 30–33.

³ Там же, л. 20.

⁴ Там же, л. 47.

⁵ Там же, л. 200.

⁶ М. К. Ону (1835–1901), российский дипломат, в 1890–1901 гг. посланник в Греции (*прим. ред.*).

⁷ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. III, л. 220.

правительство в области взимания десятичных сборов восстановило откупную систему. Для них это был значительный шаг в деле упорядочения получения контрибуции, тогда как для турецкого народного хозяйства восстановление откупной системы взимания десятичных сборов было настоящим бедствием. Откупщик умел выбрать из крестьянского хозяйства деньги лучше, чем чиновники¹.

В Петербурге произошла смена министров финансов. Вышнеградский заменил Бунге. Новый министр был сторонником более активной политики в вопросе о турецкой контрибуции. 26 августа 1887 г. Вышнеградский отправляет министру иностранных дел подробное изложение своей точки зрения на турецкую контрибуцию, и он настойчиво требует от Министерства иностранных дел занять более решительной позиции в отношении турецкого правительства. Он напоминает Гирсу, что русские уполномоченные в 1882 г. «исходили из мысли поставить права России на одинаковый уровень с правами иностранных кредиторов, чтобы не дать им возможности захватить все основные ресурсы Турции»².

Гирс защищал Министерство иностранных дел, доказывая, что иных мероприятий в данных условиях и нельзя было проводить, что политические соображения требовали, чтобы Министерство иностранных дел не предъявляло бы Турции более решительных требований. Он подчеркивал то обстоятельство, что в момент подписания конвенции русскому правительству была хорошо известна большая степень оскудения Турции. «Мы не рассчитывали на исправное выполнение ею ее обязательств, а скорее имели в виду обеспечить себе известные права»³.

Хотя Министерство иностранных дел и разъясняло Вышнеградскому свою точку зрения, оно все же отправило в Константинополь, тогдашнему русскому послу Нелидову, инструкцию требовать в более категорической форме уплаты задерживаемых взносов. Нелидов ответил, что по политическим соображениям он не считает удобным в данную минуту выступать с категорическими требованиями.

Обмен нотами между посольством и турецким Министерством иностранных дел шел по-прежнему. По-прежнему сборы, предназначенные для уплаты контрибуции, направлялись на покрытие других расходов. Кухта раздобыл копии донесений агентов Оттоманского банка в Сивасе правлению. В этих донесениях агенты Оттоманского банка сообщали, что местные власти тратят деньги на оплаты хавале, выданных Министерством султанского двора. Он в ярких чертах изобразил в докладе министерству финансов беспомощность посольства в этих вопросах. Вышнеградский снова стал требовать от Министерства иностранных дел энергичных мер. В своем обращении в Министерство иностранных дел он жестоко критикует конвенцию 14 мая 1882 г.

Нужно было получить от Турции 802 млн франков. Давая Турции рассрочку на 100 лет, Россия должна была бы выговорить платеж процентов в размере не меньше 6% годовых. Тогда бы мы получали не 350 тыс. лир ежегодно, а около 2 млн турецких лир ежегодно. При платеже же Турцией 350 тыс. турецких лир ежегодно, учитывая наши потери на процентах из 7% годовых, по мнению Вышнеградского, Россия вместо 802 млн франков получит в действительности не больше 133 млн франков. Как бы желая внести хотя бы какое-либо исправление в этот вопрос, Министерство финансов стало настаивать, чтобы Нелидов заключил с Турецким правительством новое дополнительное соглашение, по которому бы

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. III, л. 253.

² Там же, д. 66, т. IV, л. 13.

³ Там же, л. 44.

Порта была обязана с 1 января 1888 г. платить проценты на неуплаченные суммы турецкой контрибуции¹.

Министерство иностранных дел снова дало инструкции Нелидову потребовать от Порты упорядочение дела по уплате контрибуции. Нелидов стал настаивать на расширении источников платежа контрибуции. Для погашения накопившихся недоимок Порта решила предоставить десятину с Ангорского вилайета, но это вызвало протест со стороны компании Мало-Азиатской железной дороги, которая получала километрическую гарантию по своей дороге за счет поступлений от этого источника. Тогда Порта предоставила для уплаты контрибуции доходы от десятинных сборов Алепского и Мамурет-Аль-Азисского вилайетов².

Турецкое правительство, согласно конвенции 1882 г., должно было платить России 350 тыс. турецких лир, но, начиная с 1882 г., когда Новиков заставил Порту приступить к первым платежам, ни один год не кончался без недоимки. Недоимка по турецкой контрибуции росла с каждым годом:

На 1 января 1883 г.	недоимка равнялась	256 тыс. тур. лир
На 1 января 1883 г.	»	326 »
На 1 января 1883 г.	»	357 »
На 1 января 1883 г.	»	437 »
На 1 января 1883 г.	»	537 »
На 1 января 1883 г.	»	626 »
На 1 января 1883 г.	»	918 »

Министерство иностранных дел, видимо, желая несколько исправить неприятное положение дел тем аргументом, которым посольство действовало часто в Турции, обратилось к Министерству финансов за подкреплением секретного фонда. Переписка между министерствами свидетельствует, что Константинопольское посольство считало, что оно располагает недостаточными суммами для раздачи взяток. Один из отчетов по израсходованию секретного фонда показывает, что посольство подкупало не только «высоких сановников», как говорится в отчете по израсходованию денег, но и маленьких чиновников Порты, которые получали еженедельное вознаграждение. Расчет велся с ними по неделям³.

Вопрос о погашении недоимок, а также вопрос о том, чтобы Турция не могла тратить сразу большие суммы денег на вооружение, заставлял русское Министерство иностранных дел очень внимательно следить за всеми случайными доходами турецкого казначейства. Когда у Турции появлялись сразу большие деньги, в Порту направлялся русский посланник и напоминал о контрибуции и недоимках по ее уплате.

В 1889 г. закончилась третейским разбирательством большая тяжба, бывшая у прославленного железнодорожного предпринимателя барона Гирша с турецким правительством. Третейский суд приговорил Гирша к уплате турецкому правительству 27½ млн франков. Как только сведения об этом достигли Петербурга, Министерство иностранных дел и Министерство финансов открыли взаимные совещания о том, как заставить Порту часть этих неожиданных денег отдать в погашение недоимок по турецкой контрибуции. Видимо русскому посольству удалось добиться взноса известной суммы за счет денег Гирша для погашения

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, л. 61–67.

² Там же, д. 65, т. III, л. 215–216 (Нота турецкого Министерства иностранных дел Нелидову 22 июля 1888 г.).

³ Там же, д. 66, т. V, л. 21–22.

недоимок по контрибуции, заинтересовать турецкого министра иностранных дел Агоп-пашу, бывшего служащего Оттоманского банка, а также директоров Оттоманского банка.

Агоп-паша, с одной стороны, а Оттоманский банк — с другой, оказали содействие в этих домогательствах русского правительства. В результате Порты распорядилась перечислить в Париже из полученных ею денег с Гирша 243,9 тыс. турецких лир в счет погашения недоимок. В награду за оказанное содействие все участники, вероятно, были вознаграждены из секретного фонда посольства. Но, кроме того, посольство решило раздать ряду причастных лиц русские ордена. Был пожалован русский орден Агоп-паше и директорам Оттоманского банка Фостеру, Гаазу, Смайлю. Через некоторое время директора банка прислали Кредитной канцелярии выражений своей глубокой благодарности за пожалование им орденов Русской империи.

Однако денежки счет любят. Спустя некоторое время между Оттоманским банком и Кредитной канцелярией началась неприятная частная переписка. В частном порядке директора Оттоманского банка высказывали свое непреложное желание получить комиссию за пять с половиной миллионов франков, которые Турецкое казначейство внесло в Париж Ротшильду из денег, полученных ею от барона Гирша. Ордена — орденами, а деньги — деньгами. Так как Турция из денег Гирша уплатила 5,5 млн франков, то комиссионное вознаграждение из 4% равнялось 220 тыс. франков. Директоры Оттоманского банка, которые в то же время являлись и крупными акционерами банка, были, конечно, заинтересованы в получении этой комиссии. Кредитная канцелярия решила, что ссориться с банком нельзя, и уплатила комиссионные¹.

Из десятичных сборов Мамурет-Азисского и Алепского вилайетов Порты внесла в счет недоимки контрибуции 160,1 тыс. турецких лир. Таким образом, к 1 апреля 1889 г. из накопившейся недоимки в 918 тыс. турецких лир 243,9 были погашены за счет сумм Гирша и 160,1 за счет новых источников доходов, а всего оставалось в недоимке 404,4 тыс. турецких лир при ежегодном платеже в 350 тыс. турецких лир.

В таком положении было дело о контрибуции в конце 1889 г. Делегат Государственного банка в Константинополе Кухта был отозван в Петербург. Впредь обязанности делегата должен был нести в течение десятков лет один из младших чиновников посольства в Константинополе — Майков. Назначение Майкова состоялось в сентябре 1889 г. Отправляя нового делегата в Константинополь, решили выработать ему инструкцию. Министерство финансов возвратилось к мысли, что Майков должен непосредственно инспектировать поступления предназначенных сборов. Оно стремилось через Майкова установить род финансового контроля над Турцией². Посол Нелидов, на рассмотрение которого Министерство иностранных дел прислало проект инструкции Майкову, протестовал самым решительным образом, доказывая, что подобная инструкция вызовет только осложнения и не даст никаких положительных эффектов³. В результате этих споров между министерствами и посольством Майков получил наказ действовать так же, как и его предшественник Кухта.

Уплатив известную долю недоимки, турецкое правительство продолжало по-старому относиться к контрибуции. Майков в первом же своем докладе

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. VI, л. 46–76, 63.

² Там же, д. 66, т. V, л. 213.

³ Там же, л. 214.

в Министерство финансов должен был установить, что турецкое правительство за счет доходов, предназначенных для уплаты контрибуции, оплачивает свои обыкновенные расходы, что выдача ассигновок (хавале) на эти доходы есть постоянное явление, что министр финансов Агоп-паша, от которого русское правительство ожидало больших мероприятий в этой области, совершенно равнодушен к растратам денег, которыми должна оплачиваться контрибуция. Нелидов доносил Министерству иностранных дел, что Агоп-паша считает уплаты взносов по контрибуции делом чести, но Министерство иностранных дел в очень категорической форме потребовало от Нелидова, чтобы он дал понять Порте неудовольствие русского правительства ведем положением дела с вопросом платежа контрибуции¹.

Нелидов 24 января 1890 г. вручил Порте одну из очередных нот русского посольства по поводу контрибуции. «Давно пора положить конец, — пишет Нелидов Порте, — этому положению вещей. Необходимо расширить количество источников, предназначенных покрывать платежи по военному вознаграждению и гарантировать совершенно безусловным образом в определенный срок погашение недоимки». 19 мая Нелидов передает Порте новую ноту, в которой он указывает, что, если ей удастся провести конверсию ее займов (об этом шли переговоры), то экономия с доходов от предстоящей конверсии должна пойти на уплату военного вознаграждения².

В то же время русское посольство начинает требовать смещения отдельных должностных лиц в вилайетах, в которых собирались деньги для уплаты контрибуции. По требованию посольства смещается вали в Алепском вилайете. Посольство подбирает в вилайет новых дефтердарей. Майков указывает Агоп-паше и Великому визирю, кого из дефтердарей следует уволить, кого наградить. В Петербург он представляет характеристики местных властей в вилайетах, где идет сбор денег для уплаты контрибуции. Он докладывает Кредитной канцелярии: «Неудовлетворительное поступление в Константинопольском вилайете объясняется положительной неспособностью к управлению нынешнего вали, сменившего так добросовестно относившегося к делу Абурахмана-пашу, и непригодностью нового дефтердаря, совершенно не занимающегося делом службы и преданного пьянству и разврату».

О дефтердаре Кастамунийского вилайета он пишет: «К сожалению, вновь назначенный чиновник оказался совершенно не удовлетворяющим самым элементарным требованиям службы. Предаваясь непрерывно пьянству, и потому нигде не показываясь, он привел финансы вилайета в совершенное расстройство». Кредитная канцелярия на основании докладов Майкова просила Министерство иностранных дел дать инструкцию послу требовать от турецкого правительства смещения тех чиновников, которых Майков считал нарушителями интересов русского казначейства. Не всегда требования давали положительные результаты. Так, Назар-паша, бывший министр финансов после Агоп-паша, ответил Майкову, что дефтердар Кастамунийского вилайета «хотя и пьяница, но не вор»³.

В конце 1890 г. группа капиталистов, близкая к Администрации Государственного Турецкого долга, в Париже, Петербурге и Константинополе выступила с предложением перевести на них платеж контрибуции. Они обязывались ежегодно давать тот денежный взнос, что делала Турция России по конвенции 1882 г., а уже они сами получали бы от Турции причитающиеся суммы. По существу, дело шло

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, д. 66, т. VI, л. 22–24.

² Там же, л. 63.

³ Там же, л. 123 и 169 (Донесения Майкова 17 ноября 1893 г. и донесение 30 марта 1894 г.).

о переводе всей уплаты контрибуции в распоряжение Администрации Государственного долга Турции. Русские политические представители в Константинополе нашли, что этот проект совершенно не в интересах России, что при проведении его в жизнь политическое влияние России уменьшается, что она этим поставит себя на совершенно одинаковый уровень с европейскими ростовщиками¹.

Голод 1891 г., охвативший значительную часть России и истощивший ресурсы Государственного казначейства, заставил русское Министерство финансов искать чрезвычайные источники, главным образом, для покрытия платежей по займам за границей. Вывоз хлеба, дававший всегда русскому Казначейству государственную валюту, прекратился. Из Парижа предлагали продать турецкую контрибуцию.

В. Н. Ламздорф², тогда старший советник Министерства иностранных дел, в своем дневнике записал: «Перед завтраком меня вторично вызывает министр (Н. К. Гирс). Его вчера посетил министр финансов, который осведомил его о докладе, только что представленном им государю. Группа французских капиталистов предлагает купить у нас за 60 миллионов наши права на военную контрибуцию, уплачиваемую Турцией с 1878 г., порядок которой урегулирован соглашением 1882 г. Г. Вышнеградский признается, что он крайне стеснен в средствах и не располагает никакими ресурсами, и что министр внутренних дел (Иван Иванович Дурново), продолжая отрицать влияние голода в России, требует еще 60 миллионов, так как предоставленных до сих пор 80 миллионов не хватило на оказание помощи пострадавшим от бедствия, поразившего 17 губерний империи. Не желая прибегать к займу, результаты которого сомнительны, и не располагая никакими денежными резервами, министр финансов надеялся таким образом получить нужные суммы, но государь, по-видимому, вспомнив, что г. Гирс имеет возражения против этой комбинации, которая не нова, поручил ему посоветоваться с нашим министром».

Произведенные наспех в Азиатском департаменте поиски, обнаружили депешу от Нелидова, написанную в 1891 г. и, снабженную императорской пометкой: «Все это совершенно справедливо». Наш посол, узнав о подобном предложении, которое еще тогда собирались сделать императорскому правительству, горячо возражал против него с политической точки зрения. В то время нам предлагали комбинацию, по которой покупатели обязывались лишь ежегодно и регулярно выплачивать нам долг Турции. Это значило лишить себя верного средства давления на оттоманское правительство и передать в ведение компании биржевиков отрасли управления и источники доходов, гарантирующие наши права на контрибуцию. Министр просит меня прочесть этот документ и сообщить мое впечатление. Я его возвращаю со следующей запиской: «Согласно прилагаемой депеше Нелидова, французские банкиры нам предлагали в 1890 г. заступить место Турции для регулярной, но ежегодной уплаты взносов за счет военной контрибуции. Если не ошибаюсь, теперь дело идет о полной и единственной уплате всей капитальной суммы этой контрибуции, что на будущее время освободило бы от предъявления каких-либо претензий к Порте, не обязывая к сношениям с капиталистами, приобретшими наши права. При этих условиях и принимая во внимание наши нынешние отношения с Францией и Турцией, обсуждаемая ныне финансовая комбинация представляется совсем в ином свете. Эту комбинацию следует зрело и серьезно обсудить».

¹ Архив Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, л. 244–246 (Депеша Нелидова и депеша Жадовского).

² В. Н. Ламздорф (1844–1907), российский дипломат. Министр иностранных дел в 1900–1906 гг. (прим. ред.).

Из этих переговоров ничего не вышло, хотя, как видно из записки в дневнике графа В. Н. Ламздорфа, Министерство иностранных дел было готово пойти на обсуждение предложения французских банкиров, но Вышнеградский предложил банкирам сообщить более подробные условия. Сообщенные условия показались Вышнеградскому неприемлемыми и он, несмотря на всю трудность финансового положения, вызванного неурожаем и голодом, не решился их принять и сообщил Министерству иностранных дел, что вопрос о продаже следует отклонить (Ламздорф, 1934, с. 229–230, 231, 301, запись 11 января 1892 г.).

Русская либеральная буржуазия была очень критически настроена по отношению к экономическим и финансовым результатам платежей турецкой контрибуции. Обозреватель толстого либерального журнала «Вестник Европы» в середине 90-х гг., насмешливо подчеркивая ничтожность поступления в русское казначейство турецких платежей и полную необеспеченность платежей, растянутых на 100 лет, очень трезво говорит: «В эти сто лет много воды утечет: при первом европейском замешательстве Турция прекратит свои платежи — будет ли она нашим союзником или нашим противником». Турецкие платежи, по его мнению, являются данью, ничтожной по своим размерам, возложенной на Турцию и вовсе не соответствующей тем миллиардным затратам, которые Россия произвела в связи войной 1877–1878 гг. (Вестник Европы, 1894, кн. 9, с. 355).

Источники

- Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892 / под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. М.; Л., 1934.
A. N. Les effets des transformations des états sur leurs dettes publiques. Paris, 1927.
Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année. 1883.
Turkey. 1880. N 20. Correspondence respecting Ottomans Loans. 1880.

References

- Lamzdorf V. N. *Dnevnik 1891–1892. Pod red. i s predisl. F. A. Rothsteina.* [Diary of 1891–1892. Ed. and with the pref. F. A. Rothstein]. Moscow; Leningrad, 1934.
A. N. *Les effets des transformations des états sur leurs dettes publiques.* Paris, 1927.
Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année, 1883.
Turkey, 1880, N 20. Correspondence respecting Ottomans Loans, 1880.